

Научная статья
УДК 821.161.1.0
DOI 10.18101/2686-7095-2026-2-53-60

МОТИВЫ ПОКАЯНИЯ И ИСКУПЛЕНИЯ ГРЕХА В РОМАНЕ Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА «АВИАТОР»

© Гурленова Людмила Викторовна
доктор филологических наук, профессор
gurlenovalv@syktsu.ru

© Касаткина Наталья Михайловна
аспирант
casatkina.natasha@gmail.com

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
Россия, 167000, Сыктывкар, Октябрьский проспект, 55

Аннотация. В статье анализируются мотивы покаяния и искупления греха в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор» как важные аспекты авторского стиля. Путь главного героя романа Иннокентия Платонова к покаянию и стремлению искупить грех показан как длительный и сложный процесс, охватывающий две части жизни персонажа: время пребывания в Соловецком лагере в 1920-х гг. и возобновление жизни после размораживания в конце XX в. Длительность его жизни имеет концептуальное значение, отражая сложность психологического сюжета признания героем греха, итогом которого становится оценка идеи «справедливого возмездия» как ложной. Мотив искупления раскрывается через сюжетную линию наказания, историю написания дневника-исповеди и символические образы, многовекторно связанные с судьбой героя: статуэтка Фемиды, портрет Зарецкого, образ Робинзона Крузо. Это усиливает психологическую и философскую составляющие жанровой структуры романа.

Ключевые слова: покаяние, искупление греха, восстановление памяти, дневник, духовное возрождение, Е. Г. Водолазкин, роман «Авиатор».

Для цитирования

Гурленова Л. В., Касаткина Н. М. Мотивы покаяния и искупления греха в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор» // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2026. Вып. 2. С. 53–60.

Введение

Мотивы покаяния и искупления греха развиваются во всех произведениях Е. Г. Водолазкина, занимают в них центральное место, формируют целый комплекс философских и нравственных проблем [2]. Затрагивая эту тему в романе «Лавр» (2012), автор впервые моделирует ситуацию, когда главный герой, совершив грех, приходит к пониманию необходимости его искупления. Данная модель развивается в следующем романе «Авиатор» (2016), где получает более глубокую трактовку и закрепляется затем в творчестве писателя в видоизмененных модификациях. Следовательно, изучение данных мотивов на материале романа «Авиатор» позволит наиболее отчетливо увидеть их специфику и корректнее понять особенности их развития в последующем творчестве.

Указанный аспект уже затрагивался в исследованиях, посвященных изучению романа «Авиатор». О. Гримова, рассматривая нарративизацию травмы в романе Е. Водолазкина, рассуждает о вине, ее роли в восстановлении идентичности героя и о сценарии искупления греха [4]. Ж. Калафатич анализирует роман «Авиатор» как произведение, имеющее интертекстуальные связи с такими текстами, как роман Д. Дефо «Робинзон Крузо», библейская история Лазаря и притча о блудном сыне, которые близки к рассматриваемому тексту темой греха, мотивом его искупления [6]. В статье В. Тюпы темы греха, покаяния и искупления рассматриваются через призму нарративной идентичности героя и его взаимодействия с прошлым [12]. Автор анализирует, как процесс восстановления памяти и самоосознания Иннокентия Платонова связан с путем его нравственных исканий, включая осознание вины и ее искупление.

Для нас же важно проанализировать мотивы покаяния и искупления греха именно на разных уровнях романа — сюжетном, композиционном, образном — в выявлении как художественных особенностей, так и идейного наполнения.

Результаты

По замыслу Е. Г. Водолазкина, его герой Иннокентий Платонов, будучи узником Соловецкого лагеря, «заморожен» в ходе научного эксперимента и остается в этом состоянии до конца XX в. Подобное развитие сюжета помогает автору показать процесс духовного восстановления героя: оказавшись в новой реальности, Платонов медленно вспоминает свое прошлое и осваивает новое время, заново переживает события, происходившие с ним, иначе их оценивает. Процесс осмысления героем своей жизни направляется мотивами покаяния и искупления греха. В одном из интервью Е. Водолазкин объясняет замысел произведения: «Одна из главных идей романа состоит в том, что без покаяния нет спасения» [7].

Выделяя уровни для анализа выбранных мотивов, мы опираемся на работу И. В. Силантьева «Поэтика мотива» (2004). Автор предлагает модель аналитического описания мотива, которая «должна охватывать все аспекты его семиотической природы» [9, с. 125]. Отталкиваясь от нее, ставя задачу комплексного подхода к анализу мотивов, мы выделяем несколько уровней включенности мотивов в повествование (сюжетный, композиционный, семантический). На сюжетном уровне мотивы реализуются как смысловые и структурные элементы, которые формируют основу повествования. Мотив не только тематически наполняет текст, но и выполняет строительную функцию для сюжета: «мотив репрезентирован событиями» [10, с. 11]. И. Силантьев подчеркивает, что для «формирования художественного значения мотива существенными оказываются его связи именно с героем, через определенные действия оказывающимся в центре таких событий, которые и формируют смысл сюжета произведения в целом» [10, с. 16].

Ключевые события романа, через которые развиваются мотивы покаяния и искупления греха, тесно связаны с концептуализирующими их мотивами преступления и наказания. Именно они и являются ядром сюжета произведения. Эти события в «Авиаторе» можно разделить на два периода: жизнь главного героя в 1920-е гг. и на рубеже XX–XXI вв. Для первого периода одним из значимых событий выступает убийство Зарецкого, виновника несчастий Платонова, совершенное им с помощью статуэтки Фемиды (символически нагруженного предмета, воплощающего идею правосудия). Убийство интерпретируется героем как процесс возмездия за арест и

гибель отца возлюбленной Анастасии. Следующее значимое событие — наказание за убийство: арест и отправка в Соловецкий лагерь особого назначения. В этой части повествования раскрывается один из содержательных моментов в мотивах покаяния и искупления греха: формальное наказание героя не становится толчком для его нравственного преображения, как это предполагается в традиционной литературной схеме преступления — наказания. Однако предпосылки покаяния автор связывает все же с лагерем, так как именно здесь начинается мировоззренческий перелом в духовной жизни Платонова. Е. Водолазкин описывает лагерную жизнь как испытание для героя, которое тем не менее не уничтожает в нем возможности духовного возрождения. Показательным эпизодом становится сцена несостоявшегося убийства надзирателя: Иннокентий Платонов впервые отказывается от идеи физического уничтожения зла. Его прежняя решимость в праве на личное правосудие угасает, герой осознает, что убийство Зарецкого — это акт насилия, порождающий новые страдания. В момент столкновения с лагерным надзирателем Иннокентий окончательно понимает, очередное убийство не восстановит справедливости.

Сопоставляя ситуации прежнего и замышляемого Платоновым убийства, автор показывает изменения в герое: если раньше его действия оправдывались ссылкой на его личное право на наказание другого, то теперь он испытывает сомнения, погружается в глубокие размышления и уже не уверен в правоте своей идеи.

Второй период жизни главного героя (после перемещения в конец XX в.) автор выстраивает как новую форму наказания, которая способна более активно побудить героя к покаянию. В этом времени он теряет все привычные связи с внешним миром, что становится для него истинным наказанием, расплатой за преступление: «А я лишился своего родного времени — и тоже ведь за грехи» [3, с. 297].

Использование сюжета фантастического перемещения героя во времени становится одной из художественных особенностей реализации мотива покаяния. Этот прием помогает автору решить главную задачу: показать, что искупление греха для Платонова становится возможным благодаря новому взгляду на себя, который формируется после обретения опыта жизни в новом временном измерении. Ж. Калафатич отмечает, что в судьбе Платонова «воскрешение и разморозка предоставили ему возможность искупления тяжкого греха. Каждый момент его жизни приводит к признанию и покаянию в собственных грехах и поступках» [6, с. 118]. Подтверждение этой мысли в тексте Е. Водолазкина в том, что герой «Авиатора» воспринимает новую жизнь не только как наказание, но и как второй шанс. Думая об истории воскрешения библейского Лазаря и проецируя эту ситуацию на себя, Платонов задается вопросом: «А может быть, на нем был тяжкий грех, исправить который можно, лишь будучи живым, — и для этого он был воскрешен?» [3, с. 383]. Таким образом в романе воплощается условие не только покаяния героя, но и необходимости искупления его греха.

Вторая художественная особенность в изображении мотивов покаяния и искупления греха состоит в том, что они вводятся Е. Водолазкиным в сюжет романа в составе детективной интриги. На протяжении всего повествования личность преступника не раскрывается, имя убийцы Зарецкого называется лишь в самом конце, тем самым непризнание Платоновым совершенного преступления продолжается на протяжении почти всего развития сюжета. Сохранению интриги способствуют

отдельные, вводимые в текст детали. Например, слова Гейгера, единственного друга Платонова в новом времени, который добивается реабилитации Иннокентия: «...в заговоре он не состоял и Зарецкого не убивал. Что это так, сомнений и без того ни у кого не было» [3, с. 278]. Однако следующая ситуация позволяет понять причастность Платонова к убийству: главный герой, получив документы о своей реабилитации, не радуется признанию его невиновным. Он уже понимает, что жизнь подходит к концу (врачи констатируют, что клетки его мозга начинают быстро умирать) и окончание жизни нужно успеть использовать для признания своей вины и ее искупления.

Герой к этому времени уже вспоминает события своего преступления и стремится для лучшего понимания смысла своего поступка посмотреть на них глазами других людей (его «проводника - помощника» Насти и «наставника» Гейгера, которые делают записи в его дневнике, создавая эффект полифонии). Восстановление истории признания вины Платонова и его раскаяния для читателя осложняется тем, что автор не описывает течение его внутренней жизни, реализуя эту задачу лишь в форме ведения героем дневника, в котором произошедшее с ним описывается в виде отдельных эпизодов, без восстановления хронологии и аналитического сопровождения. Первое упоминание имени убийцы Зарецкого отмечено в записях Насти: «А я давно поняла, что Зарецкого убил Платоша» [3, с. 403]. Записи Гейгера восстанавливают историю убийства без называния имени, но сам герой воспринимает эти записи как истинные и использует их как основание для принятия своей вины. Е. Водолазкин, таким образом, выстраивает путь героя как духовное становление личности: узнавание себя, осознание вины, покаяние. Этот путь формируется не только мотивами покаяния и искупления греха, но и мотивами преступления и наказания, которые объединяются сюжетными эпизодами, образами персонажей (Настя, Гейгер), отдельными символическими деталями (статуэтка Фемиды). Одним из главных связующих элементов для указанных пар мотивов является терзающее Платонова чувство одиночества, которое становится для него не только наказанием, но и направлением на путь искупления.

На композиционном уровне мотивы покаяния и искупления греха выстраиваются не хронологически, а фрагментарно, относятся к разным временным пластам. По сути, каждый фрагмент — это микросюжет, однако он не обладает завершенностью и характеризуется прерывистостью изображаемого. Такими микросюжетами являются записи дневника — фрагменты различных этапов жизни Платонова, включаемые в роман в той последовательности, в какой герой их вспоминал. Первая часть дневника ведется только Иннокентием Платоновым, вторая часть, как было сказано выше, — это коллективный дневник трех персонажей (Платонова, Насти, Гейгера). Выбор автором формы дневника связан с возможностью непосредственно демонстрировать внутренний мир главного героя, его переживания, эмоции. Эти записи своей предельной искренностью напоминают жанр исповеди. Е. Н. Петухова отмечает, что «дневниковая форма позволяет “реконструировать” внутренний мир личности через якобы документально достоверный текст, содержащий реальные факты жизни и их переживание» [8, с. 49].

Особенности дневниковой формы позволяют увидеть, как герой проходит путь постепенного принятия вины, осознания ошибочности своей идеи, поиска пути к

искуплению. Ведение дневника становится для Платонова способом фиксации памяти о всплывающих событиях, а также инструментом самоанализа и нравственного самоопределения. Герой выбирает между правотой собственной идеи на осуществление правосудия, даже в форме убийства, и осознанием того, что за такие поступки должна следовать неминуемая расплата: «с точки зрения высшей справедливости, незаслуженного наказания не бывает» [3, с. 353].

Фрагментарность связана также с физиологическими особенностями восстановления памяти героя, который после пробуждения вспоминает о событиях отдельными фрагментами. Именно память Платонова становится инструментом осознания греха и пути к его искуплению. Фрагментарное восстановление воспоминаний позволяет герою более глубоко переосмыслить прошлое и принять ответственность за совершенное преступление, осуществить духовное преображение личности. В «Авиаторе» перед читателями предстает, таким образом, постепенно меняющийся герой: осознав свою вину, он приходит к покаянию (признается в грехе, просит прощения у убитого), затем начинает двигаться по пути искупления греха (прощение обидчика, осознание своей неправоты).

Подобный герой и соответствующий ему спектр проблематики являются актуальными для современной литературы, в которой усиливается интерес к традициям русского классического романа. Неслучайно современные исследователи говорят о «необходимости создания новых принципов повествования... потребности в художественном осознании проблемы греха, искупления, нравственного возрождения личности» [11, с. 318].

На уровне смысловых связей мотив обрастает цепочкой отношений с другими элементами художественного текста. Мотивы покаяния и искупления греха тесно связаны не только с другими мотивами, но и порождают определенные группы образов. Один из значимых в этом смысле образов — статуэтка богини правосудия Фемиды. Именно ею герой, подкараулив Зарецкого возле берега реки Ждановки, убивает его. Эта статуэтка выступает символом сначала нарушенного правосудия, а потом восстановленной справедливости. Сломанные в детстве весы как атрибут статуэтки Фемиды становятся предзнаменованием будущей трагедии, произошедшей в жизни главного героя романа «Авиатор».

Этот образ выступает и отправной точкой осознания героем преступления. В гостях у Насти Платонов «увидел... Фемиду. Статуэтку моего детства с отломанными весами. Полка с Фемидой отчалила от остальных полок и поплыла по комнате... я ел Настин борщ, а за спиной, оказывается, стояла Фемида. Протянул к ней руку и тут же отдернул» [3, с. 215]. В тот момент, когда Иннокентий увидел статуэтку, произошло очередное «включение» памяти, он вспоминает подробности убийства, только в этот момент в нем пробуждаются угрызения совести. Начиная осознавать неправомерность своего суда, герой просит прощения у убитого. К этой мысли его подтолкнул и священник, когда исповедь не принесла Платонову облегчения и преступление продолжало тяготить его: «Я сказал священнику: вот я покаюсь на исповеди, что когда-то убил человека, но легче мне не становится» [3, с. 404]. По совету священника он берет статуэтку и идет с ней на кладбище к могиле Зарецкого: «Прости меня, раб божий Николай, что я убил тебя статуэткой Фемиды мартовским вечером 1923 года... За Фемиду отдельно просил прощения —

мне, когда убивал, казалось, что восстанавливаю справедливость, хотя о какой справедливости здесь можно говорить? Сплошная несправедливость» [3, с. 404].

Второй образ, рисующий постепенное движение героя по пути искупления греха, — нарисованный портрет Зарецкого. После покаяния на могиле убитого к Платонову возвращается дар художника, и он создает портрет своей жертвы и одновременно человека, принесшего в его жизнь несчастья. Создание портрета становится актом искупления: Платонов словно «воскрешает» Зарецкого в искусстве, создав его образ в возвышенно трагичном виде («Он освобождает Зарецкого. Избавляет от его страшной роли – быть мокрицей» [3, с. 385]), тем самым прощает и себя, и жертву. В этом изобразительном акте герой видит возможность понять и простить обидчика: «когда человека описываешь по-настоящему, не можешь его не любить. Он, даже самый плохой, становится твоим произведением, ты принимаешь его в себя и начинаешь чувствовать ответственность за него и его грехи – да, в каком-то смысле и за грехи. Ты пытаешься их понять и по возможности оправдать» [3, с. 356]. Тем самым подчеркнута роль искусства в жизни человека как направляющее к самоочищению начало. Современные исследователи отмечают, что «в романе отображается сложное взаимодействие между грехом и возможностью искупления через принятие веры и покаяние» [1, с. 66].

Еще один образ, который связан с мотивами покаяния и искупления греха, — образ Робинзона Крузо. Он реализуется и как предмет-книга Д. Дефо, которая находится у героя на протяжении всей жизни, и как символическая отсылка к герою романа. Подобно Робинзону, Платонов оказывается в ситуации изоляции (лагерь, амнезия) и через страдания приходит к духовному прозрению. Е. Водолазкин сознательно выстраивает такую параллель, он отмечает: «В “Робинзоне Крузо” создан мир, где все ясно, где нет боковых сюжетных линий, и при этом есть очень живой текст. В “Авиаторе” я говорю о том, что история Робинзона Крузо перекликается с притчей о блудном сыне: человек неосторожно распорядился своей судьбой и вынужден приводить ее в нормальное состояние» [5]. Этой неосторожностью для Иннокентия Платонова является совершенный грех, а приведение судьбы «в нормальное состояние» — это покаяние в преступлении и попытки искупить свою вину.

В одной из финальных записей героя содержится ключевая для автора идея о природе покаяния: «Ведь настоящее покаяние — это возвращение к состоянию до греха, своего рода преодоление времени. А грех не исчезает, он остается как бывший грех, как — не поверите — облегчение, потому что раскаян. Он есть и — уничтожен одновременно» [3, с. 409]. Эта мысль раскрывает философскую концепцию искупления: через искреннее раскаяние человек, сохраняя память о совершенном и одновременно освобождаясь от его разрушительной власти, духовно возрождается.

Заключение

Таким образом, мотивы покаяния и искупления связаны с реализацией идеи о покаянии как спасении души и искуплении как нравственном преобразении личности. Данные мотивы органично вплетены в фабульную составляющую и взаимодействуют с основными событиями в развитии сюжета (убийство героем Зарецкого, фантастический сюжет перемещения во времени). Они сопровождаются символическими образами (статуэтка Фемиды), которые помогают реализовать заложенный автором нравственно-философский смысл. Длительность почти веко-

вого существования/жизни героя имеет концептуальное значение, так как отражает сложность психологического сюжета признания греха; итогом такого признания становится оценка «справедливого возмездия» как ложной идеи. Форма дневника дает автору возможность более мотивированно отразить восстановление памяти героя и драматический путь его самоосознания, дневниковые записи с их предельной искренностью напоминают жанр исповеди, что укрепляет связь произведения с классическим русским романом.

В романе «Авиатор» Е. Водолазкин, реализуя задачу изображения греха, покаяния и раскаяния, выстраивает сложную повествовательную структуру: чередует временные пласты, включает фантастический сюжет перемещения во времени и детективную интригу, придает повествованию полифоничность, использует дневниковую форму, дополнительно задействует мотивы преступления и наказания. Все это позволяет автору провести своего героя по сложному пути самопознания, усиливает философскую и психологическую составляющие жанровой структуры.

Литература

1. Амагаева А. А. Жанровое своеобразие романа «Авиатор» Евгения Водолазкина // Вестник Дагестанского государственного университета. 2024. № 4. С. 63–70.
2. Березкина Е. П. Тема духовного подвига в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» // Вестник БГУ. Филология. 2026. № 1. С. 53–62.
3. Водолазкин Е. Г. Лавр. Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2024. 440 с.
4. Гримова О. Нарративизация травмы в романе Евгения Водолазкина «Авиатор» // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / под редакцией А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков: Изд-во Ягеллон. ун-та, 2019. Т. 2. С. 263–270.
5. Дронова К. Водолазкин Е. Г.: «Я не позволял себе много выдумывать» // Seasons. 2020. URL: <https://seasons-project.ru/evgenij-vodolazkin-ya-ne-pozvolyal-seb> (дата обращения: 15.03.26).
6. Калафатич Ж. Семантическая функция риторической конструкции *Mise en abyme* в произведениях Евгения Водолазкина // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / под редакцией А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков: Изд-во Ягеллон. ун-та, 2019. Т. 2. С. 111–119.
7. Коноплев Е. Евгений Водолазкин: «Слово держит мир» // Информационно-познавательный центр «Правмир». 2016. URL: <https://www.pravmir.ru/na-etape-rya-1> (дата обращения: 12.02.2026).
8. Петухова Е. Н. Литературный контекст романа Евгения Водолазкина «Авиатор» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1(34). С. 49–55.
9. Силантьев И. В. Поэтика мотива. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
10. Силантьев И. В. Сюжетологические исследования. Москва: Языки славянской культуры, 2009. 224 с.
11. Солдаткина Я. В. Диалог с русской литературой XX века в романах Евгения Водолазкина «Лавр» и «Авиатор» // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / под редакцией А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков: Изд-во Ягеллон. ун-та, 2019. Т. 2. С. 309–319.
12. Тюпа В. И. Интрига идентичности в романе Евгения Водолазкина «Авиатор» // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / под редакцией А. Скотницкая, Я. Свежий. Краков: Изд-во Ягеллон. ун-та, 2019. Т. 2. С. 345–353.

Статья поступила в редакцию 29.03.2026; одобрена после рецензирования 25.04.2026; принята к публикации 19.05.2026.

MOTIFS OF REPENTANCE AND ATONEMENT FOR SIN
IN E. G. VODOLAZKIN'S NOVEL THE AVIATOR

Lyudmila V. Gurlenova
Dr. Sci. (Philology), Prof.
gurlenovalv@syktsu.ru

Nataliya M. Kasatkina
Research Assistant
casatkina.natasha@gmail.com

Sorokin Syktyvkar State University
55 Oktyabrskiy Prospekt, 167000 Syktyvkar, Russia

Abstract. The article analyzes the motifs of repentance and atonement for sin in E. G. Vodolazkin's novel – *the Aviator*, as important aspects of the author's style. The path of the novel's protagonist, Innokentiy Platonov, toward repentance and the striving to atone for sin is shown as a prolonged and complex process, encompassing two parts of the character's life: the time spent in the Solovetsky camp in the 1920s and the resumption of life after thawing at the end of the 20th century. The length of his life has conceptual significance, reflecting the complexity of the psychological plot of the hero's admission of sin, the outcome of which is the assessment of the idea of *just retribution* as false. The motif of atonement is revealed through the plotline of punishment, the history of writing the confessional diary, and symbolic images multidimensionally connected with the hero's fate: a statuette of Themis, a portrait of Zaretsky, the image of Robinson Crusoe. This reinforces the psychological and philosophical components of the novel's genre structure.

Keywords: repentance, atonement for sin, restoration of memory, diary, spiritual rebirth, E. G. Vodolazkin, novel *The Aviator*.

For citation

Gurlenova L. V., Kasatkina N. M. Motifs of Repentance and Atonement for Sin in E. G. Vodolazkin's Novel *the Aviator*. *Bullet of Buryat State University. Philology*. 2026; 2: 53–60 (in Russ).

The article was submitted 29.03.2026, approved after reviewing 25.04.2026; accepted for publication 19.05.2026.